

Виталий Пенской

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА:

Забытые победы Ивана Грозного
1558–1561 гг.

Виталий Викторович Пенской
Ливонская война:
Забытые победы Ивана
Грозного 1558–1561 гг.
Серия «Военная библиотека Warspot»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64874841

*Ливонская война: Забытые победы Ивана Грозного 1558-1561 гг. / Виталий Пенской: Яуза-каталог; Москва; 2020
ISBN 978-5-00155-260-4*

Аннотация

В январе 1558 г. полки Ивана Грозного перешли русско-ливонскую границу. Царь намеревался взыскать с ливонцев обещанную ими, но так и невыплаченную «юрьевскую дань», добиться отмены дискриминационных мер по отношению к русским купцам, открыть ворота на Запад, чтобы получать технологии, приглашать специалистов, покупать сырье, отсутствовавшее в России. Три года Прибалтика была объята пламенем войны, которая вскоре получила название Ливонской. Русские рати разгромили Ливонскую конфедерацию, а ее территория оказалась разделена между могущественными соседями...

История забытой, но победоносной для Ивана IV военной кампании 1558–1561 гг., несмотря на ее огромное значение для всей последующей истории не только России и Прибалтики, но и Польши, Великого княжества Литовского, Швеции, Дании до сих пор остается малоизученной, изобилуя стереотипами и мифами. Новая книга доктора исторических наук, профессора В.В. Пенского – настоящая летопись военных действий в Ливонии и сложнейшей дипломатической борьбы за «ливонское наследство». Зимний поход 1558 г., взятие Нарвы и Дерпта (Юрьева), подвиг небольшого русского гарнизона замка Ринген, осады Мариенбурга и Феллина, битвы при Тирзене и Эрмесе – об этих и других событиях первого этапа Ливонской войны читатель узнает на страницах этой книги.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Пролог	6
Ливонский узел: наследство одряхлевшего ордена	25
Прусская присяга	26
Была ли Ливонская война?	30
Война за Ливонское наследство	32
Как завязывался ливонский узел	40
Претенденты на ливонское наследство	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Виталий Пенской
Ливонская война:
Забытые победы Ивана
Грозного 1558–1561 гг

Военная библиотека Warspot

© ООО «Яуза-каталог», 2020

© Wargaming World Limited, 2020

© Пенской В.В., 2020

Пролог

Случайная война

Фраза, вынесенная в заголовок этой части нашей книги, может показаться неожиданной и даже провокационной – как же так, спросите Вы, уважаемый читатель, почему «случайная»? Ведь известно же (со школьной и студенческой скамьи – школьные и иные учебники не дадут соврать!), что Ливонская война – это главная война Ивана Грозного, которую он вел четверть века, с 1558 по 1583 год, прорубая окно в Европу, и, проиграл, довел страну до «всеконечного» разорения и запустения. И ведь с этим не поспоришь – достаточно вспомнить, какую оценку дал деяниям первого русского царя неизвестный псковский книжник по итогам этой войны: «Царь Иван не на велико время чюжую [землю] возьмь, а помале и своеи не удержа, а людей вдвое погуби». Эта характеристика результатов Ливонской войны устоялась в отечественной исторической традиции и тем более в общественном мнении, став своего рода аксиомой и очевидным фактом, с которым принято не спорить, а принимать на веру как непреложную истину.

Однако происходящий в последние десятилетия пересмотр ранее казавшихся незыблемыми оценок тех или иных событий и личностей российской истории не мог не затро-

нуть и Ливонскую войну. Главным «возмутителем» спокойствия в этом вопросе может считаться Санкт-Петербургский исследователь А.И. Филюшкин, давно и плодотворно разрабатывающий сюжеты, прямо или косвенно связанные с эпохой Ивана Грозного в целом и с историей Ливонской войны в частности и написавший ряд интереснейших работ. Помимо всего прочего, историк выдвинул примечательное и заслуживающее, на наш взгляд, дальнейшей разработки мнение о том, что конфликт в Ливонии был частью так называемых «Балтийских войн» 2-й половины XVI века.

Концепция эта весьма любопытна и перспективна с научной точки зрения, но, на наш взгляд, стоит все же четче разнести выделенные исследователем «балтийский» и «ливонский» вопросы. При всей теснейшей их взаимосвязи каждый вопрос обладал своей спецификой. «Балтийский» вопрос имел ярко выраженный морской характер и затрагивал в первую очередь интересы Дании и Швеции, боровшихся за право превратить Балтийское море в «Mare Nostrum» и использовать завоеванное доминирование на Балтике для реализации своих великодержавных планов. «Ливонский» же вопрос носил не менее ярко выраженный континентальный характер, затрагивая интересы в первую очередь Великого княжества Литовского (и опосредованно – Польши) и Русского государства. При этом есть все основания предположить, что, рассматривая с 20-х годов XVI века идею «инкорпорации» Ливонии в состав коронных владений по прус-

скому образцу, Ягеллоны предполагали тем самым, с одной стороны, компенсировать убытки от окончательно заглохнувшей к тому времени экспансии в южном и юго-западном направлениях, в сторону Черного моря и Балкан. С другой же стороны, в их планы, возможно, входило намерение, осознанное или нет, «встроиться» в складывающуюся европейскую систему разделения труда в качестве одного из основных поставщиков зерна на европейский рынок.

Но какое место занимала аннексия Ливонии во внешнеполитических замыслах московских государей? Действительно ли Иван Грозный вынашивал некие тайные планы похода «на германов» как первого шага выстраивания пресловутого Третьего Рима, о чем пишут, к примеру, историки А.Л. Янов и А.Л. Хорошкевич? Или же Ивана влекли к себе экономические перспективы, открывающиеся в случае установления полного контроля со стороны Москвы за «окном в Европу», каковым была для России Ливония (традиционная, устоявшаяся еще с XIX веке концепция)? Или же московский государь попался в хитрую ловушку, расставленную для него Сигизмундом II, как полагал упоминавшийся нами прежде А.И. Филюшкин? Или же дело в ином?

Чтобы ответить на эти вопросы, сперва немного углубимся в теорию. В свое время В.О. Ключевский в известной работе «Методологии русской истории» отметил, что русские историки «наклонны успокаиваться на первых результатах, схватывая наиболее доступное, лежащее наверху явлений».

И характеризуя дальше русскую историческую науку, он с сожалением отмечал, что «нашу историческую литературу нельзя обвинить в недостатке трудолюбия – она много[е] обработала; но я не взведу на нее напраслины, если скажу, что она сама не знает, что делать с обработанным ею материалом; она даже не знает, хорошо ли она его обработала». Добавим к этим высказываниям цитату из работы современного отечественного историка Е.С. Корчминой, которая, хоть и была сказана по другому поводу, очень созвучна тому, что было сказано В.О. Ключевским: «Обобщения... предшествовали накоплению эмпирического материала. Между тем **сформулированные тогда концепции порой продолжают восприниматься не как первое приближение к истине, а как нечто доказанное** (выделено нами. – Прим. авт.). В результате изучение этой темы (в нашем случае истории Ливонской войны. – Прим. авт.) в последние десятилетия фактически остановилось, хотя в существующих работах по сути лишь поставлен круг тех вопросов, на которые ученым еще предстоит дать ответ...». Попытаемся отойти от аксиоматичного взгляда на русскую историю той эпохи и рискнем выстроить иную, чем предыдущие, концепцию, объясняющую действия России в пресловутом «ливонском вопросе».

Однако, прежде чем ответить на поставленный вопрос, вернемся к концепции «Балтийских войн» А.И. Филюшкина. Как бы то ни было, но «морская» составляющая «Бал-

тийских войн», борьба между Швецией и Данией (и прикнувшему к ней Любеку) за господство на Балтике в данный момент имела, на наш взгляд, второстепенный характер по сравнению с «сухопутной», «ливонской» составляющей конфликта. Ни Дания (даже если бы она действовала вместе с Любеком и другими ганзейскими городами), ни тем более Швеция в середине XVI века не обладали ресурсами, которые могли бы сделать их, на худой конец, региональными сверхдержавами, способными влиять на события в регионе без вмешательства, прямого или косвенного, великих держав. Этого никак не скажешь о Русском государстве и Великом княжестве Литовском (за спиной которого маячила тень Польши). Для них схватка за Ливонию была одним из эпизодов забытой (в полном смысле этого слова) 200-летней войны, которая началась еще в 80-х годах XV века и продолжится еще 100 с лишком лет, пока не закончится «Вечным миром» 1686 года. Ставкой в этой войне было доминирование в Восточной Европе со всеми вытекающими отсюда последствиями как для выигравшего эту войну, так и для проигравшего. Потому-то значимость «ливонской», «сухопутной» составляющей этого конфликта, так или иначе затронувшего интересы многих стран, была, на наш взгляд, несравненно выше, чем «морского». И поскольку, так или иначе, но борьба разыгралась в первую очередь вокруг раздела Ливонии, то, учитывая положение, в котором оказалась Ливонская «конфедерация» к середине XVI века (а назвать это

положение кроме как «больной человек» Северо-Восточной Европы нельзя), то, на наш взгляд, стоит именовать события 1555–1595 годов не иначе как «войнами за Ливонское наследство».

Осознавали ли в Москве всю значимость вмешательства в ливонские дела? Каковы были ее планы относительно этого «наследства»? Стремился ли Иван, отправляя свою рать в январе 1558 года в опустошительный набег в Восточную Ливонию, за столбить за собой самые лакомые его куски, опередив в этом потенциальных конкурентов?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо отмотать ленту времени на три четверти столетия назад и вернуться в 70-е гг. XV в., когда московский государь Иван III подчинил своей власти Новгород Великий и закрепил васальное по отношению к Москве положение «заклятого друга» Новгорода Пскова. Тем самым молодое Русское государство стало непосредственным соседом Ливонской «конфедерации». И оба государственных образования встали перед серьезной проблемой выстраивания новой системы отношений с учетом изменившейся внешнеполитической ситуации. Кризис в отношениях между Ливонией и Русским государством на рубеже XV–XVI веков и последовавшая за ним война 1501–1503 годов на без малого полсотни лет определила характер отношений между ними. И подобно тому, как Псков и Новгород, по мнению отечественного историка М.Б. Бессудновой, играли роль своего рода «буфера» меж-

ду Москвой и Европой, так и Ливония после 1503 года заняла ту же позицию, только с другой стороны. И эта ситуация Москву более чем устраивала.

В самом деле, слабая, раздираемая внутренними противоречиями Ливония давно уже не представляла какой-либо более или менее серьезной опасности для московских интересов в этом регионе. И сохранение независимой Ливонии именно такой, какой она была в начале XVI века (когда магистр В. фон Плеттенберг упустил последний реальный шанс реформировать Орден, а вместе с ним и саму «конфедерацию» в более сильное и прочное государственное образование), было как нельзя более на руку Москве. Независимая Ливония, с одной стороны, выступала препятствием для усиления влияния в регионе Польши и Великого княжества Литовского (не говоря уже о Швеции), а с другой – она играла для России роль своего рода «окна» в Европу. При посредничестве ливонского купечества Москва могла удовлетворять свои потребности в стратегическом сырье, сукне и прочих западных товарах и технологиях. Однако сказать, что ливонское направление занимало главное место во внешней политике Москвы, нельзя. На первом месте и у Ивана III, и его сына Василия III стоял вопрос «литовский», а на втором – «татарский». Именно здесь, на этих направлениях, решалась судьба России, и потому сюда было направлено внимание Москвы. А Ливония – а что Ливония? Ливонский вопрос решался по остаточному принципу. И косвенным сви-

детельством того, что для Москвы Ливония все эти годы была второстепенным театром приложения внешнеполитических усилий, может служить тот факт, что ведение дипломатических контактов с Ливонской «конфедерацией» было отдано на откуп новгородским и псковским наместникам, которые пользовались значительной автономией и свободой рук в своих действиях.

Правда, роль окна, а значит, и сохранение устраивавшего Москву положения в русско-ливонских отношениях Ливония могла выполнять только в том случае, если она будет занимать по отношению к России если не дружественную, то, на худой конец, сугубо нейтральную позицию, гарантируя тем самым московским купцам и дипломатам «пусть чист» в обе стороны и бесперебойное поступление в Русскую землю тех самых стратегически важных товаров и сырья, а также технологий, военных и «двойного назначения». Учитывая же, что отношения между Москвой и Вильно оставались напряженными и этот «пусть чист» функционировал с перебоями, то значение Ливонии как канала связи с Западом для России тем более возрастало, и последняя автоматически должна была болезненно воспринимать любые попытки перекрыть этот канал. Желających же сделать это было достаточно – и в самой Ливонии в том числе. Здесь еще в конце XV века туманные, иррациональные страхи, вызванные неожиданным появлением на восточной границе могущественного государства с неясными намерениями, вызвали

к жизни концепцию «Rusche gefahr» («русской угрозы»). В ней определенные круги ливонского политикума нашли своего рода *raison d'être*, оправдывающий существование в изменившихся условиях того же Ордена. Ну а механизмы создания препон для торговли с русскими землями в Ливонии отрабатывались задолго до того, как отношения Ливонской «конфедерации» и Русского государства обострились до предела.

До поры до времени напряженность в отношениях между Ливонией и Русским государством Москву особенно не трогала. Ее внешнеполитические интересы, как уже было отмечено выше, лежали в иной плоскости.

Нужда же в стратегических материалах и специалистах худо-бедно решалась при посредничестве той же Дании, с которой со времен Ивана III у Москвы сложились неплохие отношения, и «запретной» контрабандной торговли на русско-ливонском пограничье. Барыши от нее были таковы, что устоять перед соблазном нарушить запрет на поставки в Россию запрещенных товаров было невозможно.

Все переменилось в середине 40-х годов XVI века, когда Москва изменила свою политику на Востоке и перешла к экспансии в Поволжье. Активизация русской политики на восточном направлении и усиление давления Москвы на Казань стронули снежную лавину, которая, постепенно набирая скорость и массу, скоро привела к коренной перекройке политической карты Восточной Европы. Сопоставим неко-

торые факты. В 1546 году, когда в Москве всюду готовились к наступлению на Казань, в русской столице объявился некто Ганс Шлитте, немец из городка Гослар с рекомендательными письмами от прусского герцога Альбрехта. О чем вел переговоры Шлитте с московскими дьяками и от чьего имени – доподлинно неизвестно, но результат их, напротив, известен очень хорошо. Осенью 1547 года Шлитте был уже в Аугсбурге и с легкостью получил аудиенцию у императора Карла V. Очарованный шустрым саксонцем (и, надо полагать, видом верительных грамот от самого московитского государя) и открывающимися перспективами в связи с готовностью Московита присоединиться к антитурецкой коалиции, император в январе 1548 года разрешает Шлитте набрать специалистов, в том числе и военных – оружейников, инженеров и прочих, а также восстановить торговлю оружием и стратегическими материалами с русскими (о миссии Шлитте подробнее будет сказано дальше).

Вряд ли об этих контактах не было известно в Стамбуле, равно как и о том, что иранский шах Тахмасп I (с которым Стамбул с 1548 года находился в состоянии войны) пытается завязать контакты с Москвой (а в 1552 году и вовсе присылает посольство к Ивану IV). И в Стамбуле принимают меры. В 1547 году был пролонгирован «вечный мир» с Польшей (у которой были общие с Портой враги – Москва и Вена), затем мы видим, что Порта осторожно пытается прощупать настроения среди ногаев (ранее такого не было). Нако-

нец, весной 1551 года слишком самостоятельный и неуправляемый крымский хан Сахиб-Гирей был свергнут и задушен вместе со своим сыном и наследником, а на его место Стамбул поставил племянника покойного Девлет-Гирея I.

Новый хан получил недвусмысленные указания из Стамбула относительно приоритетного для Крыма направления политики. Примечательно, что весной 1551 года, сразу после переворота в Крыму, в Ногайской Орде объявился новый османский посол, Ахмед-чауш, и не один, а вместе с крымским и астраханским послами, причем крымский посол прибыл не с пустыми руками, а с «великими поминками», адресованными ногайскому бию. Обрадованный бий Юсуф поторопился отписать в Москву, что-де прежнего крымского «царя» не стало, а «на его место иной царь учинился. И тот царь с нами в дружбе и в братстве учинился». Брат же Юсуфа и его враг, нурадин Исмаил, добавил к этому, что Ахмед-чауш предложил Юсуфу и ему, Исмаилу, «содиначиться» с турками, крымцами, казанцами и астраханцами и воевать русские земли.

По всему выходит, что султан, озабоченный планами Москвы и в то же время связанный по рукам и ногам проблемами в отношениях с Ираном и Империей, не желая вступать в непосредственный конфликт с надменным Московитом, решил прибегнуть к стратегии «непрямых действий». Замысел Стамбула, похоже, заключался в том, чтобы вынудить Ивана IV отказаться от своих великодержавных планов,

стравив его с татарскими юртами, ведомыми османским васалом – Крымом. И начиная с 1552 года мы видим, что между Москвой и Крымом запылала в полную силу «горячая» война – война, раздуваемая с обеих сторон, война, которая по праву может быть названа «Войной двух царей» и которая продлится де-факто до самой смерти Девлет-Гирея I в 1577 году.

Борьба с Крымом потребовала от Москвы серьезного напряжения и мобилизации всех ресурсов. Ситуация, описанная имперским дипломатом С. Герберштейном (по его словам, Василий III «ежегодно по обычаю ставит караулы в местностях около Танаиса и Оки числом в двадцать тысяч для обуздания набегов и грабежей со стороны перекопских татар»), стала реальностью именно сейчас, во время «войны двух царей». И если бы дело ограничивалось только организацией «береговой» службы! Не стоит забывать, что необходимость обеспечения обороны «крымской» Украины и вынесения передовых ее рубежей как можно дальше в Поле требовала постройки крепостей за Окой, и не одной – и мы видим, как в 50-60-х годах XVI века в степи один за другим ставятся города-крепости, населенные служилыми людьми. Одновременно в несколько приемов реорганизуется сторожевая служба в Поле, а во второй половине 70-х годов XVI века в дополнение к ставшему «старшим» «береговому» разряду был образован из украинских служилых людей «младший» «украинный» разряд.

Все это проходило на фоне небывало возросшей военной активности Крымского ханства. Девлет-Гирей лично возглавил семь походов на Русь (1552, 1555, 1562, 1564, 1565, 1571 и 1572 г.), еще два планировавшихся им похода, в 1556 и 1559 годах, были отменены, а в 1569 году хан принял участие в незадавшейся османской экспедиции на Астрахань. Еще четыре похода (1558, 1563, 1570 и 1573 г.) осуществил его сын и наследник-калга Мухаммед-Гирей, а в 1568 году на «крымскую Украину» приходили другие «царевичи». Таким образом, за 26 лет правления Девлет-Гирей и его сыновья совершили или приняли участие в 13 походах против Русского государства. Такого доселе не было, ибо каждый «царев» приход означал развертывание «по вестем» и соответствующей царской рати на «берегу» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Стоит ли после всего этого еще раз говорить о том, что возможности Ивана Грозного по ведению политической (любыми средствами) игры на других направлениях были более чем ограничены. Образно говоря, большую часть своего царствования он был вынужден действовать одной только левой рукой, имея при этом еще и пушечное ядро на одной из ног. И можно ли в таком случае вести речь о том, что, воюя с Крымским ханством, Иван Грозный одновременно преднамеренно развязал еще и войну на другом конце своего государства с Ливонией? Кстати, любопытный факт – нанеся поражение шведскому королю Густаву I Васе в 1557 году, Иван

продиктовал шведу достаточно мягкие условия мира.

И не стоит забывать о том, что и неразрешенный ни Иваном III, ни его сыном, отцом Ивана IV, Василием III «литовский» вопрос никуда не делся. Конечно, в 1549 году бояре присоветовали молодому Ивану отложить его в сторону, но только лишь на время. Стоит процитировать их ответ на царский вопрос – что делать, если «вотчина наша извечная Киев и Волынская земля, и Полтеск, и Витебск, и иные города русские многие за королем». Годится ли в таком случае, продолжал царь, «с королем ныне мир вечный делати», если «вперед уже через крестное целование своих отчин искати нелзе», ибо «крестного целования никак нигде порушить» нельзя? Ответ бояр был таким – «вечного мира с королем не делати для доставанья своих старинных вотчин, а взять с королем перемирье на время». Перемирие же это, по их мнению, следовало бы заключить на возможно больший срок с тем расчетом, чтобы «дать людям опочинуть и с иными недруги в то время управитися» (под этими другими недругами имелись в виду, конечно же, казанцы и стоявшие за их спиной крымцы). Общее же решение («царь указал и бояре приговорили») было таким: «Учнет Бог жаловати, вперед с крымским дело поделаетца, а с Казанью государь переведаетца ж», а до того «с королем за то крепко стояти и дела с ним никакова не делати». И это решение неуклонно претворялось в жизнь, несмотря на то, что с литовской стороны не было ни малейшего намека на готовность к компромиссу –

напротив, позиция Вильно была неизменной, «Вечному миру» не бывать до тех пор, пока Москва не вернет Литве земли, захваченные в конце XV – начале XVI века. А это неизбежно должно было привести, рано или поздно, к новой войне (так, впрочем, и случилось впоследствии).

А теперь снова повторим вопрос – имея на руках большую войну с Крымом и назревающий конфликт с Литвой, могли Иван Грозный (кстати, вынужденный время от времени отвлекаться еще и на замирение завоеванной «подрайской» «казанской землицы») замышлять еще и войну против Ливонии? На наш взгляд, нет. Жаль, конечно, что в нашем распоряжении нет документов, которые позволили реконструировать ход мыслей как самого царя, так и его советников, но наблюдения за его политикой в ливонском вопросе оставляют четкое впечатление, что никакой сколько-нибудь серьезной, основательно продуманной, с далеко идущими целями программы действий на этом внешнеполитическом направлении ни у него, ни у Боярской думы, ни у Посольского приказа не было и Москва де-факто плыла по течению вслед за стремительно развивающимися событиями. В этом плане весьма показательна летняя кампания 1558 года, когда после неожиданного падения Нарвы в Москве, решив ковать железо, пока оно горячо, буквально метелкой по сусекам спешно собирали войска для продолжения столь удачно начавшейся кампании и бросали их в бой по частям по мере сосредоточения. А как иначе, если полки уже были расписаны по «бе-

регу» в ожидании набега самого «царя»?

Косвенным подтверждением нежелания Ивана Грозного по полной ввязываться в ливонский конфликт может служить и история с вассальным ливонским «королевством». Казалось бы, после того, как летом 1558 года без особых усилий под руку Ивана попала практически вся Восточная Ливония – Нарва и Дерптское епископство, – что и кто мог помешать ему и дальше продолжить завоевания? Римская империя? Швеция? Дания? Польша с Литвой? Ганза? Никто из них не пришел на помощь гибнущей Ливонии, ограничившись по преимуществу моральной поддержкой и дипломатическим давлением на Москву. Однако Иван де-факто отдал своим победоносным полкам «стоп-приказ», ограничившись тем, что было взято в ходе летней кампании. Более того, после успешного зимнего похода 1559 года, когда еще раз наглядно было продемонстрировано военное бессилие Ливонии, он не стал развивать успех (как в предыдущем году), а пошел на подписание перемирия, подавшись на уговоры датчан. И когда стало очевидно, что новый магистр и рижский архиепископ готовы перейти под покровительство Сигизмунда II, Иван, вместо того чтобы форсировать усилия по овладению тем же Ревелем и Ригой, начал искать выход из сложившейся ситуации на пути создания вассального «королевства», предлагая стать во главе его то бывшему магистру Фюрстенбергу, попавшему в плен после взятия Феллина летом 1560 года, то датскому принцу Магнусу. Это еще

раз подтверждает тот факт, что, судя по всему, Москва до самого последнего момента придерживалась того мнения, что слабая, бессильная, но формально независимая Ливония для нее была выгоднее, чем Ливония, разделенная между русскими, поляками и шведами с датчанами.

Между тем никто и ничто не могло помешать Ивану завоевать Ливонию всю, целиком, «от моря до моря», и в том же 1558 году, и в следующем, и даже в 1560-м. Русское государство в конце 50-х – начале 60-х годов XVI века находилось на пике своей военной мощи, в чем могли наглядно убедиться и Казанское ханство, и Крымское, и Литва. Ливония ничего не могла противопоставить победоносным государевым полкам и царскому наряду, изрядно поднаторевшим в градоимстве и сражениях с государевыми недругами. Никак и ничем не могли (да и хотели ли?) помочь Ливонии и ее соседи – ни Империя, ни Литва с Польшей, ни Швеция, ни тем более Дания. Чем могла закончиться история большого государева похода в Ливонию, поставь перед собою цель покорения этой земли московский царь, наглядно показывает кампания 1577 года, когда царские войска прошли через всю Ливонию как раскаленный нож через масло. А ведь ни в одном походе против ливонцев, что во время Ливонской войны, что позднее, Иван не выставлял в поле силы, подобные тем или хотя бы похожие на те, что отправлял он на Казань, на Полоцк или, к примеру, против крымского «царя».

Одним словом, ливонская проблема долгое время для

Ивана Грозного была лишней, возникшей в самое неподходящее время, когда у Москвы не было ни времени, ни ресурсов, ни сколько-нибудь ясной программы действий на этом направлении. Более того, складывается впечатление, что активизация Сигизмундом II планов по инкорпорации Ливонии в состав своего государства напрямую была связана с его расчетами на то, что Москва, по уши занятая борьбой с Крымом, не сумеет помешать ему решить ливонский вопрос в нужном ключе. И когда в 1557 году, вмешавшись в войну коадьюторов, Сигизмунд вынудил Фюрстенберга подписать Позвольские соглашения, он тем самым застал Москву врасплох, вынудив ее по ходу дела перестраивать свою политику в ливонском вопросе.

Эта импровизированная, не подготовленная заранее политика (без четкого представления о том, какие силы могут быть задействованы, как изменится расстановка внешнеполитических сил в случае вмешательства России – впрочем, а стоит ли ожидать иного, если Посольский приказ явно не владел ситуацией в полной мере, довольствуясь той информацией, которая поступала из Новгорода и Пскова, а там видели лишь часть общей картины) оказалась неудачной. Избежать втягивания в полноценную войну не удалось, и локальный конфликт, который можно и должно было решить быстро, поставив потенциальных оппонентов перед фактом, превратился в полноценную войну сперва с Великим княжеством Литовским, а потом и со Швецией. И это притом, что

на протяжении всего этого времени шла полномасштабная война с Крымом.

В итоге Москве пришлось вести боевые действия сразу на нескольких фронтах, в том числе и в Поволжье с постоянно бунтующими казанцами. Ценой больших усилий и жертв Ивану Грозному удалось одержать верх над Крымом, однако развить первоначальный успех, достигнутый в Ливонии к началу 60-х годов, ему не удалось. Да, судя по всему, он к этому и не стремился. Взяв Дерпт (как часть «наследия Ярослава») и Нарву, он решил на этом остановиться, сосредоточив свои усилия на более важном, первостепенном направлении – литовском, перейдя к обороне на южном, крымском. Ливония же окончательно отошла на второй план. Впрочем, таковой она была и для Сигизмунда II, а после него – для Стефана Батория. Исход очередного раунда русско-польско-литовского противостояния был определен в ходе Московской войны 1579–1582 годов, и не в Ливонии, а под Полоцком, Великими Луками и Псковом. Здесь по большому счету находился ключ к ливонскому наследству, и его судьба должна была разрешиться в противостоянии России и Речи Посполитой. Но это все будет позднее, а пока предстояло разыграть первый акт ливонской драмы...

Ливонский узел: наследство одряхлевшего ордена

В январе 1558 года началась Ливонская война между Русским государством и Ливонской «конфедерацией». В этот конфликт в скором времени оказались втянуты соседи несчастной Ливонии, и совместными действиями участники войны перекроили политическую карту Восточной Европы, заложив тем самым основы новых войн и противоречий. Любопытно то, что современники этой войны о ней и не знали – правда, это совершенно не мешало им воевать. Попробуем разобраться, что же произошло больше четырех с половиной столетий назад и какие события накрепко завязали «ливонский узел» в Восточной Европе.

Прусская присяга

В Вавельском королевском замке в Кракове выставлена на всеобщее обозрение картина знаменитого польского художника Яна Матейко ««Hołd pruski» – «Прусская дань», изображающая событие, произошедшее 10 апреля 1525 года. В этот день на главной площади Кракова бывший магистр Тевтонского ордена, а на тот момент герцог Пруссии надменный Альбрехт Гогенцоллерн, преклонил колена перед королем Польши и великим князем литовским Сигизмундом I Старым, принеся ему вассальную присягу.



Герцог Пруссии Альбрехт Гогенцоллерн

Прусский черный орел признал верховенство польского белого орла. Казалось, закончилась многовековая борьба между Польшей и Тевтонским орденом. Не помогли Альбрехту ни союз с московским государем Василием III, ни поддержка императора Священной Римской империи и римской курии – после поражения в 1410 году под Грюнвальдом величие и слава Тевтонского ордена больше не вернулись.

Последняя попытка отстоять независимость и суверенность Ордена, предпринятая великим магистром Альбрехтом в 1519–1521 годах (польская «Wojna pruska») не увенчалась успехом, и магистр решил спасти то, что осталось, пойдя по пути, начертанному отцом Реформации Мартином Лютером. «Приватизировав» прусские владения Ордена и объявив себя правителем вновьявленного Прусского герцогства, Альбрехт Гогенцоллерн 8 апреля 1525 года подписал в Кракове мирный договор с Сигизмундом. Согласно условиям документа, польская корона признавала новый статус Пруссии и ее правителя, а взамен герцог приносил вассальную присягу. Эта церемония и состоялась спустя пару дней после подписания договора.



Я. Матейко. «Прусская присяга», фрагмент

Спустя чуть больше чем три с половиной столетия Ян Матейко напомнил полякам, государство которых к тому времени оказалось разделено между Австро-Венгрией (наследницей Священной Римской империи), Германией (наследницей Пруссии) и Россией (преемницей Московского государства), об этом событии.

Была ли Ливонская война?

Но какое отношение, спросите вы, имеет это событие, запечатленное кистью великого польского художника, к Ливонии и к «ливонскому узлу»? Да и, собственно говоря, что это за «ливонский узел»?

Для начала вспомним, что 460 лет назад, в январе 1558 года от Рождества Христова (а по московскому летоисчислению – в 7066 году от Сотворения Мира) русские полки, посланные мановением руки царя и великого князя Иоанна Васильевича, прозванного Грозным, вторглись в пределы Ливонии и подвергли опустошению земли Дерптского епископства и прилегающие к нему владения Ливонского ордена. По традиции считается, что это вторжение послужило началом так называемой Ливонской войны 1558–1583 годов. Война же эта под пером позднейших историков превратилась в чуть ли не решающее, центральное событие всего долгого царствования Ивана Грозного, неудача в котором имела роковые последствия и для самой династии московских Калитичей, и для Русского государства.

Впрочем, так ли это? И снова читатель удивится: разве можно сомневаться в том, что четвертьвековая Ливонская война имела столь значимые последствия? Ведь об этом все знают, этой войне посвящено множество научных трудов, она вписана в скрижали военной истории и на страницы

учебников. Ан нет, все не так просто, как может показаться на первый взгляд, все далеко не так однозначно и прямолинейно.

Война за Ливонское наследство

Начнем с того, что в летописях и хрониках той поры нет такого понятия, как «Ливонская война». Точнее, оно есть, но в него вкладывается совершенно другой смысл – под нею подразумевают лишь события 1558–1561 годов. В те годы русские войска разгромили противостоявшие им силы Ливонской «конфедерации» (состоявшей из владений собственно Ливонского ордена, Рижского архиепископства и епископств Дерптского, Эзель-Викского и Курляндского), заняли часть ее территории (северо-восточную часть с Нарвой и территорию Дерптского епископства – «отчину» Ивана Грозного, ибо Дерпт вырос на месте основанного еще князем Ярославом Мудрым города Юрьева) и положили конец истории «старой» Ливонии.

Но этот военный конфликт был не первым и не последним в цепочке войн, которые полыхали в Восточной и Северо-Восточной Европе во второй половине XVI века. В 1555–1557 годах Русское государство воевало со Швецией, и, между прочим, шведский король Густав Васа развязал эту войну, рассчитывая на помощь и поддержку Ливонского ордена. Правда, ее он так и не получил. Мнившие себя хитрыми ливонцы в последний момент передумали, но если они и рассчитывали отсидеться в стороне, то глубоко заблуждались. Уже в 1556 году в самой Ливонии вспыхнула так называемая

«война коадьюторов», ставшая результатом глубоких и застарелых противоречий в политической верхушке «конфедерации». Польский король Сигизмунд II, наследник Сигизмунда I, с подачи того самого прусского герцога Альбрехта увидел в ней прекрасную возможность подчинить себе еще и Ливонию и вмешался в этот конфликт, навязав ливонцам в 1557 году Позвольские соглашения.



Сигизмунд I Старый

Эти соглашения положили конец «войне коадьюторов» и явно сместили баланс сил и интересов в регионе в пользу Польши – и, естественно, Великого княжества Литовского, соединенного с Польшей личной унией. Фактически Сигизмунд сделал первый шаг на пути, который в конечном итоге привел к разделу Ливонии между ее соседями – Польшей (с 1569 года Речью Посполитой), Данией, Швецией и Россией. Этот шаг Сигизмунда ускорил вмешательство России в ливонские дела, результатом чего и стала, собственно, Ливонская война, о которой было сказано чуть выше. С другой стороны, вторжение России в Ливонию ускорило начало Полоцкой войны 1561–1570 годов между Русским государством и Великим княжеством Литовским. Эта война стала частью 200-летнего конфликта, в котором призом для победителя должно было стать доминирование в Восточной Европе и Прибалтике.

В 1563 году прорвался давно назревавший «нарыв» в отношениях между Швецией, с одной стороны, и Данией и Ганзой – союзом северогерманских городов. Вспыхнула так называемая Первая Северная война 1563–1570 годов. Не успела она закончиться, как снова обострились отношения между Москвой и Стокгольмом. Начиная с 1573 года в северной и северо-западной Ливонии (Эстляндии) практически непрерывно шли с переменным успехом боевые действия

между русскими и шведскими войсками. Завершились они спустя десять лет, в 1583 году. Истощенная в многолетних войнах на нескольких фронтах, внешних и внутренних, Россия была вынуждена уступить захваченную шведами Нарву и ряд пограничных городов и волостей на северо-западе.

Этот русско-шведский конфликт развивался на фоне продолжавшегося противостояния Русского государства и возникшего в результате Люблинской унии государства Польско-Литовского, Речи Посполитой. Развязывая войну в 1561 году, Сигизмунд II, вероятно, рассчитывал, что ослабленная войной с крымскими татарами и серьезными внутренними проблемами Москва не сможет бороться на равных с Великим княжеством Литовским. Однако он сильно просчитался.

В начале 60-х годов XVI столетия Русское государство находилось на подъеме. Иван Грозный принял вызов, нанеся зимой 1562–1563 годов удар по Полоцку. Падение Полоцка продемонстрировало *urbi et orbi* мощь и величие Москвы, а Сигизмунд наглядно убедился в своей бессилии. Нет, конечно, со взятием Полоцка война не закончилась, и литовцам, действовавшим при помощи поляков, удалось даже одержать несколько тактических успехов – неимоверно раздутых польско-литовской пропагандой по установившемуся еще со времен Первой Смоленской 1512–1522 годов войны обычаю. Однако эти победы могли лишь чуть подсластить горечь неудач и скрасить понимание того, что в борьбе один на один у Вильно шансов против Москвы нет.

Хитрый же и коварный крымский хан Девлет-Гирей I, который был как будто союзником Сигизмунда, вовсе не торопился проливать кровь за своего литовского «брата». Он предпочитал вести свою игру и поднимать ставки в «крымском аукционе» – кто больше даст «поминков» за его участие или неучастие в русско-литовских разборках. В общем, потрясенное до основания здание литовской государственности дало трещину, которая грозила привести к разрушению всего строения. Литовские магнаты, скрепя сердце, были вынуждены пойти на заключение унии. А уния эта, по существу, поставила точку в существовании Великого княжества Литовского как субъекта восточноевропейской политики – Литва стала младшим партнером, а фактически вассалом-подручником Польши.



Ливония на карте из атласа Абрахама Ортелия. 1573 г.

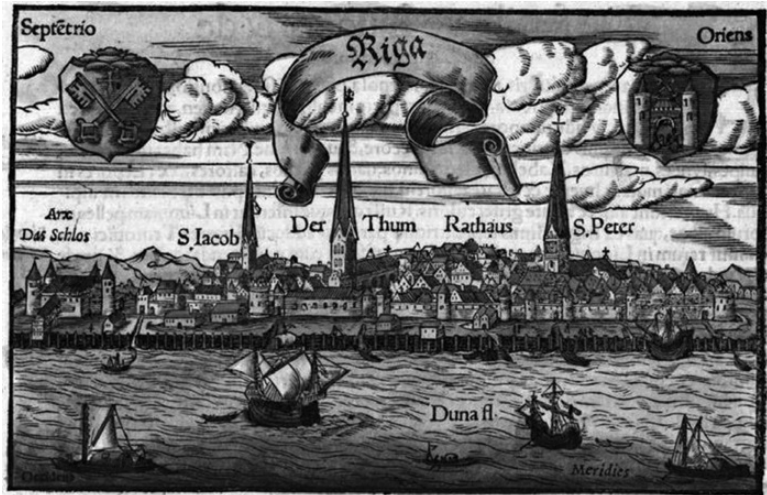
Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Объединение двух государств на более прочной основе способствовало тому, что конфликт с Москвой, ранее бывший делом преимущественно Великого княжества Литовского, теперь стал делом и Польши. И надо же было такому случиться, что в ходе очередной королевской «элекции» магнateria Речи

Посполитой после долгих колебаний выбрала новым королем трансильванского князя Стефана Батория, энергичного и умелого военачальника. В 1578 году Баторий начал очередную в серии русско-польско-литовских конфликтов войну – Московскую (или Баториеву), которая продлилась до 1582 года и завершилась утратой Россией всех своих завоеваний в предыдущий период и в Ливонии, и в Великом княжестве Литовском.

Но на этом первый этап борьбы за Ливонское наследство (так, по нашему мнению, стоит называть всю эту цепочку взаимосвязанных конфликтов) не закончился. Пока два титана – Россия и Речь Посполитая – выясняли отношения, шведы прибрали к рукам Нарву и ряд пограничных русских уездов. Возмущенный этим Иван Грозный вознамерился взять реванш. Увы, ему этого сделать не довелось: в разгар подготовки к новой войне он умер. Дело царя продолжили его сын Федор и фактически правивший от его имени «лорд-протектор» и будущий государь Борис Годунов. В 1589 году началась, а в 1595 году закончилась очередная, третья и последняя в этом столетии, русско-шведская война. По ее итогам шведам удалось удержать Нарву в своих руках, но Россия вернула утраченные было по итогам Плюсского перемирия 1583 года земли.

Как завязывался ливонский узел

Подведем предварительный итог. Ливонская война 1558–1583 годов на самом деле изобретение историков Нового времени. Современники этой войны о ней и не знали. Зато они прекрасно знали о целой серии войн, продолжавшихся 40 лет, с 1555 по 1595 год. Они составили первый акт драмы, которую можно было бы по праву назвать войной (или, точнее, войнами) за Ливонское наследство. В этом сорокалетнем конфликте самым причудливым образом переплелись политические, экономические, культурные, религиозные противоречия, раздиравшие Европу (и Восточную в том числе) на рубеже позднего Средневековья и раннего Нового времени. Эти противоречия образовали настолько запутанный узел, отягощенный к тому же массой предрассудков всех мастей, что он не распутан и по сей день, продолжая оставаться предметом жарких научных дискуссий и споров.



Рига. Гравюра из Космографии С. Мюнстера 1568 г.

Завязываться этот узел начал еще в конце XII столетия, когда в Прибалтике появились сперва немецкие миссионеры, а затем немецкие купцы и колонисты. В 1201 году был основан город Рига, ставший резиденцией католического епископа и оплотом немецкой экспансии в Прибалтике. А для защиты католической веры и колонистов в следующем году был учрежден орден «Братьев Христова воинства» (*Fratres Militiae Christi*), который после поражения от литовцев в 1236 году стал провинцией Тевтонского ордена, сохранив внутреннюю автономию. Его-то мы и знаем под названием Ливонского ордена.

Успешная немецкая экспансия – меньше чем за четверть века немцы вытеснили из Прибалтики полоцких князей и новгородцев, после чего попытались было продвинуться дальше к востоку – была остановлена в начале 1240-х годов князем Александром Невским. Тем не менее сохранялась напряженность в отношениях между Ливонской «конфедерацией» (раздираемой изнутри противоречиями между Орденом, ливонским епископатом и бюргерством Риги, Ревеля и Дерпта, вошедших к концу XIII века в Ганзейский союз), с одной стороны, и Псковом и Новгородом – с другой. Однако на русско-ливонском пограничье надолго установилась некая «стабильность». Нельзя, конечно, сказать, что на «фронтире» было совсем уж мирно. Взаимные наезды и набеги, предпринимаемые местными военачальниками, «охочими» людьми и просто крестьянами, спорившими из-за богатых охотничьих и рыболовецких угодий, бортей, пастбищ и свободных земель, были обыденностью. Временами эта «малая» война перерастала в большую, как это было, к примеру, в 1406–1409 годах.

Впрочем, эти малые и большие конфликты не вели к коренному изменению ситуации ни на пограничье, ни внутри треугольника Псков-Ливония-Новгород. Несмотря на имевшиеся политические, экономические и культурные противоречия, стороны старались найти компромисс, который не вредил бы главному – взаимовыгодной торговле. И Ливония, и Псков с Новгородом богатели, выступая в роли посредни-

ков в торговле между Ганзой и Русью, а если и воевали, так для того, чтобы обеспечить себе более выгодные условия.

Претенденты на ливонское наследство

Во второй половине XV века ситуация начала изменяться. Орденские государства стали слабеть и приходить в упадок, и мы видели, чем это закончилось для сильнейшего из них – Прусского. На грани распада находилось и соединенное в результате Кальмарской унии датско-шведско-норвежское королевство. В начале XVI века оно окончательно развалилось, и этот распад, сопровождавшийся немалой кровью, заложил основы будущего датско-шведского противостояния на Балтике. Энергичный король Швеции Густав I Васа, освободившись от датской зависимости, положил, что называется, глаз на Ливонию – ну или хотя бы на ее северную часть. Король мечтал о том, что он сам, а не ливонские торгаши, станет посредником в торговле России с Западом и будет иметь с этого немалый доход от взимания пошлин – хороший источник для пополнения пустой шведской казны в преддверии неизбежной войны с датчанами и расплаты с ганзейцами, в свое время спонсировавшими борьбу Густава против датчан.

GOSTAVUS DEI GRA
TIA SVECIA GOTHORV
VANDALORVM REX...

MDCXII 1542



Густав I Васа. Король Швеции

Немаловажным фактором, сыгравшим свою далеко не последнюю роль в печальной судьбе старой Ливонии, стал упадок Ганзы. Теснимая конкурентами, прежде всего торговцами и мореходами из Нидерландов, она постепенно начала утрачивать свое господство на

Балтике – не только торговое, но прежде всего военно-политическое. Ослабление Ганзы было вызвано не в последнюю очередь тем, что центр экономической жизни Европы сместился на северо-запад, в бассейн Северного моря и прилегающих к нему регионов.

Это имело чрезвычайно важные последствия: с переносом центра из жаркого и солнечного Средиземноморья на холодный и туманный северо-запад Европы здесь стала формироваться новая «мир-экономика». Востоку Европы в ней отводилась роль сырьевого, аграрного придатка. Растущая экономика северо-западной Европы требовала все больше хлеба, мяса, шерсти, сала, льна, пеньки, смолы, леса, металлов, и торговля этими товарами начала приносить все большую выгоду. И совсем не случайно во второй половине XV – начале XVI века обострилось противостояние Польши и Тевтонского ордена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.